

К.М.Станюкович

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

Константин Михайлович Станюкович

Васька

Серия ««Морские рассказы»»

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 6 апреля 2002 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136545

К.М.Станюкович. «Морские рассказы»: Издательство

«Художественная литература»; Москва; 1986

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Константин Михайлович Станюкович Васька (Рассказ из былой морской жизни)

I

В числе разной живности – трех быков, нескольких баранов, гусей, уток и кур, – привезенной одним жарким ноябрьским днем с берега на русский военный клипер «Казак» накануне его ухода с острова Мадейра для продолжения плавания на Дальний Восток, находилась и одна внушительная, жирная, хорошо откормленная фунчальская свинья с четырьмя поросятами, маленькими, но перешагнувшими, однако, уже возраст свиного младенчества, – когда так вкусны они под хреном или жареные с кашей.

Всем этим «пассажирам», как немедленно прозвали матросы прибывших гостей, был оказан любезный и радушный прием, и их тотчас же разместили по обе стороны бака¹, при

---

¹ Бак – передняя часть судна. (Примеч. автора.)

самом веселом содействии матросов.

Трех быков, только что поднятых с качавшегося на зыби баркаса на веревках, пропущенных под брюхами, не пришедших еще в себя от воздушного путешествия и громко выражавших свое неудовольствие на морские порядки, привязали у бортов на крепких концах; птицу рассадили по клеткам, а баранов и свинью с семейством поместили в устроенные плотником загородки, весьма просторные и даже комфортабельные. Корма для всех – сена, травы и зерна – было припасено достаточно, – одним словом, моряками были приняты все возможные меры для удобства «пассажиров», которых собирались съесть в непродолжительном времени на длинном переходе, предположенном капитаном. Он хотел идти с Мадейры прямо в Батавию на острове Ява, не заходя, если на клипере все будет благополучно, ни в Рио-Жанейро, ни на мыс Доброй Надежды. Переход предстоял долгий, не менее пятидесяти дней, и потому было взято столько «пассажиров». Быки назначались для матросов, чтобы дать им хоть несколько раз вместо солонины и мясных консервов, из которых варилась горячая пища, свежего мяса. Остальная живность была запасена для капитанского и кают-компанейского стола, чтобы не весь переход сидеть на консервах. Вдобавок предстояло встретить в океане рождество, и содержатель кают-компании мичман Петровский имел в виду полакомить товарищей и гусем, и окороком, и поросятами – словом, встретить праздник честь честью.

Нечего и говорить, что для сохранения палубы в той умопомрачительной чистоте, какую щеголяют военные суда, не жалели ни подстилок, ни соломы, и старший офицер, молодой уже лейтенант, влюбленный до помешательства в чистоту и порядок и сокрушавшийся тем, что палуба приняла несоответствующий ей вид деревенского пейзажа, строго-настрого приказывал боцману Якубенкову, чтобы он глядел в оба за благопристойностью скотины и за чистотой их помещений.

– Есть, ваше благородие! – поспешил ответить боцман, который и сам, как невольный ревнитель чистоты и порядка на клипере, не особенно благосклонно относился к «пассажирам», способным изгадить палубу и тем навлечь неудовольствие старшего офицера.

– А не то... смотри у меня, Якубенков! – вдруг воскликнул старший офицер, возвышая голос и напуская на себя свирепый вид.

Окрик этот был так выразителен, что боцман почтительно выкатил свои глаза, точно хотел показать, что отлично смотрит, и вытянулся в ожидании, что будет дальше.

И действительно, после короткой паузы старший офицер, словно бы для вящей убедительности боцмана, резко, отрывисто и внушительно спросил:

– Понял?

Еще бы не понять!

Он отлично понял, этот пожилой, приземистый и широко-

плечий боцман, с крепко посаженной большой головой, покрытой щетиной черных заседевших волос, видневшихся из-за сбитой на затылок фуражки без козырька. Давно уже служивший во флоте и выдавший всяких начальников, он хорошо знал старшего офицера и по достоинству ценил силу его гневных вспышек.

И боцман невольно повел своим умным черным глазом на красноватую, большую правую руку лейтенанта, мирно покоящуюся на штанине, и громко, весело и убежденно ответил, слегка выпячивая для большего почтения грудь:

– Понял, ваше благородие!

– Главное, братец, чтобы эти мерзавцы не изгадили нам палубы, – продолжал уже совсем смягченным и как бы конфиденциальным тоном старший офицер, видимо, вполне довольный, что его любимец, дока боцман, отлично его понимает. – Особенно эта свинья с поросятами...

– Самые, можно сказать, неряшливые пассажиры, ваше благородие! – заметил и боцман уже менее официально.

– Не пускать их из хлева. Да у быков подстилки чаще менять.

– Слушаю, ваше благородие!

– И вообще, чтобы и у птиц и у скотины было чисто... Ты кого к ним назначил?

– Артюшкина и Коноплева. Одного к птице, другого к животной, ваше благородие!

– Таких баб-матросов? – удивленно спросил старший

офицер.

– Осмелюсь доложить, ваше благородие, что они негодящие только по флотской части...

– Я и говорю: бабы! Зачем же ты таких назначил? – нетерпеливо перебил лейтенант.

– По той причине, что они привержены к сухопутной работе, ваше благородие!

– Какая ж на судне такая сухопутная работа, по-твоему?

– А самая эта и есть, за животной ходить, ваше благородие! Особенно Коноплев любит всякую животную и будет около нее исправен. Пастухом был и совсем вроде как мужичком остался... Не понимает морской части! – прибавил боцман не без некоторого снисходительного презрения к такому «мужику».

Сам Якубенков после двадцатилетней морской службы и многих плаваний давно и основательно позабыл деревню.

– Ну, ты за них мне ответишь, если что, – решительно произнес старший офицер, отпуская боцмана.

Тот, в свою очередь, позвал на бак Артюшкина и Коноплева и сказал:

– Смотри, чтобы и птицу и животную содержать чисто, во всем параде. Палуба, чтобы ни боже ни... Малейшая ежели пакость на палубе... – внушительно прибавил боцман.

– Будем стараться, Федос Иваныч! – испуганно промолвил Артюшкин, молодой, полнотелый, чернявый матрос с растерянным выражением на глуповатом лице, в страхе жмуря

глаза, точно перед его зубами уже был внушительный жилистый кулак боцмана.

Коноплев ничего не сказал и только улыбался своею широкою добродушною улыбкой, словно бы выражая ею некоторую уверенность в сохранении своих зубов.

Это был неуклюжий, небольшого роста, белобрысый человек лет за тридцать, с большими серыми глазами, рыжеватыми баками и усами, рябоватый и вообще неказистый, совсем не имевший того бравого вида, каким отличаются матросы. Несмотря на то, что Коноплев служил во флоте около восьми лет, он все еще в значительной мере сохранил мужицкую складку и глядел совсем мужиком, только по какому-то недоразумению одетым в форменную матросскую рубаху. Весь он был какой-то нескладный, и все на нем сидело мешковато. Матросской выправки никакой.

И он недаром считался плохим матросом, так называемой бабой, хотя и был старательным и усердным, исполняя обязанности простой рабочей силы. Он добросовестно вместе с другими тянул снасть, ворочал пушки, греб на баркасе, наваливаясь изо всех сил на весло; но на более ответственную и опасную матросскую работу, требующую ловкости, быстроты и отваги, его не назначали.

И он был несказанно рад этому.

Выросший в глухой деревне и любивший кормилицу-землю, как только могут любить мужики, никогда не выдавшие не только моря, но даже и озера, он двадцати трех лет от ро-

ду был оторван от сохи и сдан, по малому своему росту, в матросы.

И море, и эти диковинные корабли с высокими мачтами с первого же раза поразили и испугали его. Он никак не мог привыкнуть к чуждому ему морю, полному какой-то жуткой таинственности и опасности. Морская служба казалась ему божиим наказанием. Один вид марсовых, бегущих, как кошки, по вантам, крепящих паруса или берущих рифы в свежую погоду, стоя у рей ², стремительно качающихся над волнистою водяною бездной, вчуже вселял в этом сухопутном человеке чувство невольного страха и трепета, которого побороть он не мог. Он знал, что малейшая неловкость или неосторожность, и человек сорвется с реи и разmozжит себе голову о палубу или упадет в море. Видывал он такие случаи во время своей службы и только ахал, весь потрясенный. Никогда не полез бы он добровольно на мачту – бог с ней! – и по счастью, его никогда и не посылали туда.

Так Коноплев и не мог привыкнуть к морю. Оно по-прежнему возбуждало в нем страх. Назначенный в кругосветное плавание, он покорился, конечно, судьбе, но нередко скучал, уныло посматривая на седые высокие волны, среди которых, словно между гор, шел, раскачиваясь, небольшой клипер. Вдобавок Коноплев не переносил сильной качки, и, когда во

---

² Дерево, подвешенное за середину к мачте и служащее для перевязывания паруса. (Примеч. автора.)

время бурь и непогод клипер «валяло», как щепку, с бока на бок, Коноплев вместе со страхом испытывал приступы морской болезни.

И в такие дни он особенно тосковал по земле, любовно вспоминая свою глухую, заброшенную в лесу деревушку, которая была для него милее всего на свете.

Несмотря на то, что Коноплев был плохой матрос и далеко не отличался смелостью, он пользовался общим расположением за свой необыкновенно добродушный и уживчивый нрав. Даже сам боцман Якубенков относился к Коноплеву снисходительно и только в редких случаях «запаливал» ему, словно бы понимая, что не сделать из этого прирожденного мужика форменного матроса.

– А ты что, Коноплев, рожу только скалишь? Ай не слышишь, что я приказываю? – спрашивал боцман.

– То-то слышу, Федос Иванович.

– Хочешь, что ли, чтобы зубы у тебя были целы?

– Не сумлевайтесь, будут целы, Федос Иваныч!

– Смотри не ошибись.

– Я это дело справлю как следует. Самое это простое дело. Слава богу, за скотинкой хаживал! – любовно и весь оживляясь, говорил Коноплев.

И радостная, широкая улыбка снова растянула его рот до широких вислоухих ушей при мысли о работе, которая хотя отчасти напомнит ему здесь, среди далекого постылого океана, его любимое деревенское дело.

– То-то и я тобой обнадёжен. Я так и обсказывал старшему офицеру, что ты по мужицкой части не сдрейфуешь. Смотри не оконфузь меня... Да помните вы оба: ежели да старший офицер заметит у скотины или у птицы какую-нибудь неисправку или повреждение палубы, велит вам обоим всыпать. Знай это, ребята! – закончил боцман добродушно деловым тоном, словно бы передавал самое обыкновенное известие.

– Я буду стараться около птицы... Изо всей, значит, силы буду стараться, Федос Иваныч! – снова пролепетал растерянным и упавшим голосом Артюшкин, совсем перепуганный последними словами боцмана.

И в голове молодого матросика – даром что она была не особенно толкова – пробежала мысль о том, что лучше бы иметь дело только с боцманом.

Коноплев снова промолчал.

Судя по его спокойному лицу, мысль о «всыпке», по-видимому, не беспокоила его. Он был полон уверенности в своих силах и к тому же понимал старшего офицера как человека, который не станет наказывать зря и если, случается, всыпает, то «с рассудком».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.